

М. В. КАСАТКИН

АКАДЕМИК БОРИС МИХАЙЛОВИЧ ЗАВАДОВСКИЙ. ВЕХИ ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСТВА

Борис Михайлович Завадовский был крупным ученым-эндокринологом, академиком ВАСХНИЛ, основателем и первым директором Государственного биологического музея им. К. А. Тимирязева. Он был неординарной личностью, яркой во всех отношениях, временами сложной и противоречивой, но всегда смелой и принципиальной. Его многогранная творческая и общественная деятельность проходила в очень бурный и богатый драматическими событиями период развития отечественной биологии, который пришелся на первую половину XX в. Среди его учителей были такие выдающиеся русские ученые, как К. А. Тимирязев, И. П. Павлов и Н. К. Кольцов. Вместе со своим старшим братом Михаилом Михайловичем Завадовским, также академиком ВАСХНИЛ, он был одним из крупнейших специалистов в области сельскохозяйственной и медицинской эндокринологии. Области их научных интересов были очень близки и часто пересекались, поэтому братьев, к сожалению, нередко путают. Михаил Михайлович по праву считается классиком отечественной науки в области эмбриологии, биологии индивидуального развития и биотехнии. Имя Бориса Михайловича не столь известно, однако его вклад в науку не менее значителен.

Б. М. Завадовский родился 1 (13) января 1895 г. в обедневшей дворянской семье, где был четвертым ребенком. Рано остался без отца, умершего спустя три месяца после его рождения. С детства увлекся естествознанием, собирал коллекцию бабочек и гербарий, читал много книг по биологии. Он учился в Елисаветградской классической гимназии, где его одноклассником и другом был И. Е. Тамм, будущий известный физик, академик, лауреат Нобелевской премии, с его семьей он поддерживал дружеские отношения в течение многих лет. Гимназический курс Завадовского не удовлетворил, так как естествознание в него не входило, поэтому в 6 классе он оставил занятия, а экзамены за старшие классы гимназии и на аттестат зрелости сдал экстерном. В 1913 г. он поступил на естественное отделение физико-математического факультета Московского университета по специальности «физиология животных». Среди его преподавателей были основатель московской геологической школы академик А. П. Павлов, профессор ботаники М. И. Голенкин, профессора зоологии Г. А. Кожевников и А. Н. Северцов, молодой приват-доцент И. И. Шмальгаузен. Однако после так называемого «кассовского погрома» 1911 г., когда более ста тридцати профессоров и преподавателей в знак протеста против политики правительства в области образования и отмены университетской автономии ушли из университета, уровень преподавания многих предметов оставался желать лучшего. Поэтому по рекомендации старшего брата Михаила он

записался на большой двухлетний зоологический практикум в лаборатории экспериментальной биологии, руководимой профессором Н. К. Кольцовым, при Московском городском народном университете им. А. Л. Шанявского. Из числа обучавшихся на большом практикуме в лаборатории Николая Константиновича Кольцова, основателя московской школы генетики, вышли такие будущие выдающиеся ученые, как С. Н. Скадовский, В. А. Энгельгардт, А. С. Серебровский, В. Ф. Натали, Н. В. Тимофеев-Ресовский и многие другие. С 1915 по 1919 гг., продолжая учиться в Московском университете, Борис Михайлович одновременно преподавал биологию в рабочих образовательных кружках и на педагогических курсах при университете им. А. Л. Шанявского и работал здесь же ассистентом у профессора А. Л. Бродского.

Летом 1919 г. Борис Михайлович принял участие в студенческой экспедиции «шанявцев» в Асканию-Нова, где провел первые экспериментальные работы по изучению влияния щитовидной железы на линьку и депигментацию оперения у кур, а также на поведение кур, ежей и сусликов. Оказавшись отрезанным от Москвы фронтами Гражданской войны, осенью он перебрался в Одессу, где сдал государственные экзамены, получил диплом и был зачислен ассистентом кафедры физиологии Новороссийского университета. Около года он работал под руководством профессора В. П. Бабкина, одного из крупнейших учеников знаменитого физиолога академика И. П. Павлова. Тогда же он начал писать научно-популярные брошюры и книги по биологии. Осенью 1920 г. Завадовский был приглашен в Москву на должность профессора, руководителя курса биологии в Коммунистическом университете им. Я. М. Свердлова, который был образован на базе университета им. А. Л. Шанявского. Здесь при организованной им кафедре была создана научно-исследовательская лаборатория экспериментальной биологии и начались работы по созданию Биологического музея¹.

В 1923 г. Борис Михайлович был командирован в Петроград, где почти три месяца изучал методику и технику проведения физиологических экспериментов в лабораториях профессора Н. П. Кравкова и первого русского Нобелевского лауреата, академика И. П. Павлова. Полученные знания он успешно применил на практике, что нашло отражение и в работе Биологического музея. Так, например, в 1920-30-е гг. посетителям демонстрировались живые фи-

Академик Б. М. Завадовский, 1950 г.
(Все фотографии и документы из личного архива Б. М. Завадовского, хранящегося в Биологическом музее им. К. А. Тимирязева).

¹ Завадовский Б. М. Живая природа в руках человека. Записки охотника за гормонами. М.: Сельхозгиз, 1935.

Проведение исследований на животных. Во время операции, 1930-е гг.

стульные собаки, прооперированные по методике Павлова, и проводились опыты по выработке у них условных рефлексов ².

В дальнейшей разносторонней творческой деятельности Бориса Михайловича можно выделить три главных направления.

Первое направление – это собственно научная деятельность. Б. М. Завадовский был крупным специалистом в области физиологии и эндокринологии. Он опубликовал более 300 работ по экспериментальной, зоотехнической и медицинской эндокринологии, имеющих большое теоретическое и практическое значение. Эти работы касались выяснения роли различных гормонов в организме, их взаимодействия и превращения, изменения под их действием признаков пола, ранней диагностики беременности, разработки методов борьбы с бесплодием, стимуляции многоплодия и других вопросов. Они нашли применение не только в животноводстве, но и в медицинской практике ³. В частности, широко применяющиеся сейчас экспресс-тесты на беременность по содержанию эстрогенов в моче и гормональный метод определения пола плода задолго до рождения были впервые предложены в работах Б. М. Завадов-

² Завадовский Б. М. О работах биологической лаборатории и музея Свердловского ун-та. М.: Издание Ком. Ун-та им. Свердлова, 1924; Завадовский Б. М. Живая природа... С. 86–92.

³ Гормональные исследования в гинекологии. Сб. работ лаборатории эндокринологии НИИ акушерства и гинекологии Минздрава РСФСР / Под ред. Л. Г. Степанова и Е. А. Какушкиной. М.: Медгиз, 1960. С. 3–6.

ского и его сотрудников еще в 1932 г. Им была сформулирована получившая широкое признание концепция обмена и метаболизма гонадотропных гормонов в организме, впервые доложенная на XIV Международном конгрессе физиологов в Риме в 1932 году. Позднее на ее основе была разработана теория гонадостимуляторов, позволившая значительно повысить плодовитость сельскохозяйственных животных. Б. М. Завадовский успешно работал также над сложнейшей проблемой влияния гормональной деятельности организма на поведение и психику.

В 1920-е гг. особенно популярными были исследования по проблеме prolongации жизни и омоложения. Борис Михайлович был редактором и переводчиком ряда зарубежных изданий по этой тематике ⁴. С целью популяризации научных знаний сам он также написал несколько книг и статей, где говорилось, в частности, и об этом ⁵. Этими книгами заинтересовался А. М. Горький, который в 1928 г. писал ему из Италии: «По этому вопросу я читал Вейля, Ишлонского и других. Разрешите сказать, что Ваша книга талантливостью и ясностью своей дала мне значительно больше, чем все, прочитанное раньше. Разрешите также усердно просить Вас принять участие в журнале «Наши достижения». Выбор, разумеется, вполне в Вашей воле, но хотелось бы иметь для первой или второй книги статью «Успехи науки в борьбе со старостью» ⁶.

С этим связан курьезный эпизод из жизни Бориса Михайловича. Летом 1933 г. он получил приглашение от знаменитого селекционера И. В. Мичурина посетить его опытное хозяйство. По свидетельствам современников, у Мичурина был очень непростой характер, и он далеко не всякого допускал к себе на селекционный участок. Выдающийся генетик и ботаник Н. И. Вавилов много раз бывал у него и помог организовать селекционно-генетическую станцию, а вот Т. Д. Лысенко он так и не принял, хотя тот очень настойчиво добивался права называть себя его учеником. Известно, что после смерти Мичурина именно его именем Лысенко воспользовался для прикрытия осуществленного им разгрома отечественной генетики, противопоставив ей так называемую «мичуринскую биологию». Иван Владимирович в то время уже находился в очень преклонном возрасте – ему было 78 лет. Возможно, до него дошли отголоски обсуждения проблемы старения организма. На следующий день после получения открытки с приглашением, где сообщалось, что за профессором Завадовским на станцию будет выслан экипаж, от Мичурина пришло другое письмо. В нем говорилось следующее: «Многоуважаемый профессор. В дополнение к вчера присланному мной Вам ответу открытым письмом, нахожу необходимым предупредить Вас. Вероятно, Вы намеревались приехать ко мне, если я не ошибаюсь, с целью применения Вашего способа омоложения. Должен Вам сказать, что я ни в каком случае не соглашусь,

⁴ См. например: *Камерер, П.* Омоложение и продление личной жизни / Пер. с нем., ред. и пред. Б. М. Завадовского. М.: Госиздат, 1922.

⁵ *Завадовский Б. М.* Проблема старости и омоложения в свете новейших работ Штейнаха, Воронова и других авторов // Красная Новь. 1921. № 3. С. 146–176; *Завадовский Б. М.* Проблема старости и омоложения в свете учения о внутренней секреции. М.: Красная новь, 1923; *Завадовский Б. М.* Очерки внутренней секреции. Л.: Прибой, 1928.

⁶ Письмо М. Горького Б. Завадовскому. 8 декабря 1928 г. // Институт мировой литературы РАН. Архив М. Горького. (Фотокопия – ГБМТ. Архив Б. М. Завадовского).

ИВАН ВЛАДИМИРОВИЧ МИЧУРИН

г. МИЧУРИНСК, ЦЧО.

Москва, Митусская площадь,
профессору Завадовскому.

12 июля 1933 года

МНОГОУВАЖАЕМЫЙ ПРОФЕССОР.

В дополнение к вчера посланному мною Вам ответу открытым письмом, нахожу необходимым предупредить Вас, что вероятно Вы намеревались приехать ко мне, если я не ошибаюсь, с целью применения Вашего способа омоложения, то должен Вам сказать, что я ни в каком случае не соглашусь, несмотря ни на какой угодно способ омоложения. (лично меня)

С искренним уважением И. Мичурин

Письмо Б. М. Завадовскому от И. В. Мичурина, 1933 г. Публикуется впервые

несмотря ни на какой угодно способ омоложения (лично меня). С искренним уважением И. Мичурин»⁷.

Созданная Б. М. Завадовским в 1920 г. лаборатория экспериментальной биологии в 1929 г. была реорганизована в Институт нервно-гуморальной физиологии Главнауки Наркомпроса, а в 1931 г. вошла в состав Всесоюзного института животноводства (ВИЖ) в качестве эндокринологической лаборатории. Многие его ученики и сотрудники стали кандидатами и докторами наук. Сам он по совокупности научных работ, без защиты диссертации, получил ученые степени д-ра биологических наук и д-ра сельскохозяйственных наук. В 1935 г. он был избран действительным членом ВАСХНИЛ.

Сохранился интересный документ – письмо из Главнауки в отдел научных учреждений при Совнаркоме СССР, датированное 3 февраля 1928 г., где говорится: «Наркомпрос РСФСР сообщает, что кроме академика И. П. Павлова, командированного от Академии наук для участия в торжествах в память В. Гарвея, желательно делегировать проф. 1 МГУ А. Ф. Самойлова, проф. Ленинградского гос. университета А. А. Ухтомского и проф. Университета им. Свердлова Б. М. Завадовского за счет средств Комиссии по содействию работам Академии наук СССР»⁸. Все члены этой делегации, которую предполагалось послать в Англию на празднование 350-летия со дня рождения основоположника физиологической науки Уильяма Гарвея – крупнейшие физиологи нашей страны, основатели научных школ. В итоге в Англию удалось поехать только Павлову и Самойлову, однако включение Завадовского в столь представительную делегацию говорит о высокой оценке его научных исследований.

⁷ Письмо И. В. Мичурина проф. Б. Завадовскому. 12 июля 1933 г. // ГБМТ. Архив Б. М. Завадовского.

⁸ ЦГА РФ. Ф. 2306. Оп. 69. Ед. хр. 1458. Л. 7. (Цит. по: Организация советской науки в 1926–1932 гг. Сб. документов / Под ред. акад. Б. Е. Быховского. Л.: Наука, 1974. С. 374.)

Борис Михайлович участвовал в работе Международных конгрессов физиологов, проходивших в Бостоне (1929 г.), Риме (1932 г.), Ленинграде и Москве (1935 г.). Кроме того, он был участником V Международного генетического конгресса в Берлине (1927 г.), II Международного съезда по истории науки и техники в Лондоне (1931 г.) и Международного конгресса свободомыслящих в Праге (1936 г.).

В 1932 г. за работы по изучению функции щитовидной железы он был избран членом Немецкой академии естественных наук «Леопольдина» в Галле (Германия), а в 1940 г. – членом Лондонского зоологического общества. В 1935 г. по рекомендации академика А. Ф. Иоффе он стал также членом Национального географического общества США. В 1946 г. за результаты многолетних фундаментальных исследований в зоотехнической эндокринологии, обобщенных в монографии «Управление процессами размножения животных» (М., Сельхозгиз, 1945), Б. М. Завадовский был выдвинут на соискание Сталинской (Государственной) премии, однако в силу создавшегося тогда в биологии положения не получил ее.

Второе направление – это популяризация научных знаний и преподавательская работа. Борис Михайлович не был «кабинетным ученым» и никогда не замыкался в узких рамках своей специальности. Помимо эндокринологии он занимался вопросами истории и философии естествознания, проблемами наследственности, эволюции, влияния внутренних и внешних факторов среды на организм, психику и сознание, а также многими другими. Всеми своими знаниями он всегда щедро делился с окружающими. Работая профессором университета им. Я. М. Свердлова вплоть до упразднения всех естественнонаучных кафедр и перепрофилирования его в 1935 г. в Высшую школу пропагандистов, Борис Михайлович одновременно преподавал физиологию и общую биологию в ряде других институтов. С 1926 по 1930 гг. он был приват-доцентом кафедры физиологии 1-го МГУ и вел спецкурсы по эндокринологии и физиологии высшей нервной деятельности, в 1938–1941 гг. читал курс дарвинизма в Институте истории, философии и литературы (ИФЛИ), а с 1943 по 1948 гг. заведовал кафедрой экспериментальной биологии и дарвинизма в Московском городском педагогическом институте им. В. П. Потемкина. Он был прекрасным лектором и его научно-популярные лекции в аудиториях Московского университета, в Политехническом музее, в Нескучном саду, в рабочих и сельских клубах, сопровождавшиеся демонстрацией опытов и музейных экспонатов, всегда собирали большую аудиторию. Борису Михайловичу помогали его широкая эрудиция, свободное владение тремя иностранными языками, доскональное знание предмета лекции и последних достижений науки.

Он написал более двух десятков научно-популярных книг и брошюр по биологии, многие из которых неоднократно переиздавались и переводились на иностранные языки. Вот названия некоторых из них: «О коробке консервов и происхождении жизни на Земле» (1920), «Как мы питаемся. Научные основы питания» (1920), «О брожении» (1922), «Невидимые друзья земледельца» (о почвенных бактериях, 1923), «Животное и растение. Маленькое введение в науку о жизни» (1925), «Человеческое тело. Как оно устроено и как живет» (1929), «Как размножаются животные» (1936), «Происхождение домашних животных» (1945), «Химические регуляторы жизненных процессов – витамины и гормоны» (1947) и многие другие. Он считал себя учеником и пос-

ледователем К. А. Тимирязева в деле распространения научных знаний. Лекции Тимирязева, услышанные в университете им. А. Л. Шанявского, оставили неизгладимое впечатление, а его слова «работать для науки и писать для народа» (т.е. популярно) стали девизом всей жизни Б. М. Завадовского. В его архиве сохранилась рукопись большой монографии о К. А. Тимирязеве, подготовленная к печати, но так и не опубликованная. Этому помешали начавшаяся война, а позднее – отрицательный отзыв И. И. Презента и последующие события, связанные с Августовской сессией ВАСХНИЛ 1948 г. Как и его учитель, Б. М. Завадовский был великолепным мастером своего дела, страстно пропагандировавшим горячо любимую им биологию⁹.

Третье направление – музейная деятельность. Б. М. Завадовский показал себя как крупный теоретик и практик музейного дела. При создании Биологического музея им были сформулированы те принципы, которые и сегодня отличают его от других музеев:

- это не «вещевой», а проблемный музей, раскрывающий основные обобщающие проблемы биологии и объединенные эволюционной идеей;
- это музей-лекторий, помогающий в получении биологических знаний и ориентированный в первую очередь на учащуюся молодежь;
- это музей-лаборатория, дающий практические навыки в проведении экспериментальных исследований;
- это «живой» музей, направленный на изучение жизненных функций, поэтому в нем широко используются демонстрации живых растений и животных.

Главной задачей являлся не показ систематики и морфологии, а изучение жизнедеятельности организмов и их взаимодействия с окружающей средой. Многие сложные биологические и философские темы, никогда ранее не демонстрировавшиеся в музеях, здесь впервые получили свое экспозиционное воплощение – экология, генетика, физиология растений, эндокринология, физиология человека и животных, ряд разделов теории эволюции.

Одним из первых был организован экологический отдел, ставший тематическим продолжением маленького учебного «Музея живой природы», созданного профессором А. Л. Бродским еще при университете им. Л. А. Шанявского. В нем были установлены вольеры с растениями и животными, аквариумы с обитателями пресных водоемов, морской аквариум с живыми актиниями, вольер с летягами, привезенными сотрудниками из экспедиции с Дальнего Востока и т.п. Следом были организованы отдел физиологии животных с лабораторией, где демонстрировались подопытные животные (в том числе фистульные собаки, прооперированные по методике И. П. Павлова), и отдел физиологии растений с оранжереей и открытым участком (его создателем был профессор Николай Петрович Кренке). Были созданы также экспозиции по генетике и селекции, эволюции растений и животных, происхождению человека, по проблеме происхождения и сущности жизни¹⁰.

⁹ Федоров Р. М. Грань творчества // Этюды о лекторах. М.: Знание, 1974. С. 212–223.

¹⁰ Основные задачи и принципы организации Биологического музея им. К. А. Тимирязева. (Опыт организации биологических музеев и уголков живой природы). Сб. статей. / Под ред. Б. М. Завадовского. М.: Изд-во Комм. ун-та им. Я. М. Свердлова, 1927; Завадовский Б. М. Путеводитель по Государственному биологическому музею им. К. А. Тимирязева (обоснование экспозиции и профиля Биомузея). М., 1948.

В начале 1930-х гг. Борис Михайлович выступил с проектом создания Центрального биологического музея и строительства для него комплекса музейных зданий на Воробьевых горах ¹¹, который так и не был осуществлен.

В 1938 г., в связи с ликвидацией Ученого комитета при ЦИК СССР, которому подчинялся тогда Биологический музей им. К. А. Тимирязева, его директор академик Б. М. Завадовский обратился в Президиум Академии наук СССР с ходатайством о передаче музея в систему учреждений Академии. Однако в этом ходатайстве ему было отказано, и музей перешел в подчинение Наркомпроса, а позднее – Министерства культуры РСФСР.

* * *

Как у многих ученых того поколения, судьба Б. М. Завадовского оказалась тесно связана с бурными и драматическими событиями, которые происходили в нашей стране и в отечественной науке в первой половине XX века. Его заметная роль в науке и активная общественная позиция сделали его участником обсуждения многих важнейших вопросов, в том числе определяющих пути дальнейшего развития советской биологии. Он принимал участие в дискуссиях вокруг философских аспектов теории эволюции и спорных проблем генетики, проходивших во второй половине 1920-х и в 1930-х гг. ¹² Борис Михайлович был страстным полемистом, но в ходе научной дискуссии никогда не позволял себе личных выпадов и оскорблений, что нередко практиковалось в то время. Это отмечали многие его оппоненты. За стремление найти рациональное зерно во взглядах спорящих и в чем-то сблизить их его нередко обвиняли в примиренческой позиции ¹³, а за попытки вернуть дискуссию из идеологического в научное русло он неоднократно подвергался резкому осуждению за аполитичность ¹⁴. При этом Б. М. Завадовский не примыкал ни к одной из группировок и занимал особую позицию «борьбы на два фронта». С одной стороны, он выступал против «витализма» и «механоламаркизма», позиции сторонников которых в то время были достаточно сильны (позднее это в гипертрофированной форме проявилось в теоретических «изысках» Лепешинской и Лысенко о самопроизвольном зарождении клеток и превращении одного вида в другой). С другой, признавая бесспорные достижения генетики, он не соглашался с формализацией некоторых ее положений (например, с «мутационной теорией» Г. де Фриза, взглядами У. Бэтсона и некоторых других генетиков, полностью отрицавших теорию Ч. Дарвина).

В отличие от некоторых участников этих диспутов, он достаточно хорошо разбирался в существе вопроса. В организованной им лаборатории экспериментальной биологии в течение нескольких лет на аксолотлях проводились исследования влияния внешних и внутренних формообразующих факторов на организм. Эти исследования показали, что приобретенные в течение жизни

¹¹ Завадовский Б. М. Целевые установки и основные показатели к созданию Центрального биологического музея // Советский музей. 1932. № 5. С. 23–41.

¹² Колчинский Э. И. В поисках советского «союза» философии и биологии (дискуссии и репрессии в 20-х – начале 30-х гг.). СПб.: Изд-во «Дмитрий Буланин», 1999. С. 96, 101–103.

¹³ Гайсинович А. Е. Зарождение и развитие генетики. М.: Наука, 1988. С. 298–300; Фролов И. Т. Философия и история генетики. Поиски и дискуссии. М.: Наука, 1988. С. 78.

¹⁴ Сойфер В. Н. Власть и наука. История разгрома генетики в СССР. М.: Лазурь, 1993. С. 246.

изменения не наследуются¹⁵. В его лаборатории начинали свою научно-исследовательскую деятельность известные впоследствии генетики И. И. Агол и В. Н. Слепков, позднее прошедшие длительную стажировку в крупнейших научных центрах США и Германии и работавшие под руководством А. С. Серебровского. Они также принимали самое активное участие в этих дискуссиях. В 1937 г. оба они были репрессированы и погибли¹⁶.

На сессии ВАСХНИЛ в декабре 1936 г. Б. М. Завадовский был одним из немногих биологов, кто поддержал молодого энергичного выдвиженца Т. Д. Лысенко. Так же, как и Н. И. Вавилов и ряд других ученых, Борис Михайлович считал, что его «теория стадийного развития растений» и некоторые прикладные работы по агробиологии представляют определенный интерес и это направление необходимо развивать наряду с другими. Он не сразу разобрался в тех целях, которые преследовал Лысенко. На совещании по генетике и селекции в октябре 1939 г. он все еще поддерживал его, но уже с некоторыми оговорками¹⁷. Однако когда Лысенко из области растениеводства вторгся в область эволюционных проблем и начал насаждать так называемый «творческий дарвинизм», проявив при этом полное невежество в основных вопросах биологии, Борис Михайлович резко выступил против него. В 1944–1945 гг. он направил в ряд журналов статьи с критикой взглядов Лысенко, но они так и не появились в печати. Среди опубликованных спустя полвека документов того периода, хранившихся в архиве ЦК КПСС, есть письмо Б. М. Завадовского секретарю ЦК А. А. Жданову, где он возражает против зажима критики и пытается добиться публикации этих статей¹⁸. Не получив ответа и здесь, Борис Михайлович в конце 1947 г. принял участие в дискуссии, организованной на страницах «Литературной газеты», выступив с критической статьей в адрес Лысенко¹⁹. За это выступление он наряду с другими участниками дискуссии, профессорами Московского университета И. И. Шмальгаузен, А. Н. Формозовым, Д. А. Сабининым и деканом биофака С. Д. Юдинцевым был зачислен лысенковцами в «вейсманисты-морганисты». При этом в статье он отстоял свою собственную, особую позицию, которую некоторые генетики неверно расценили как примиренческую. В начале февраля 1948 г. он принял участие в «антилысенковской» научной конференции по дарвинизму, которая состоялась на биофаке МГУ. На ней он выступил с резкой речью, заявив, что взгляды Т. Д. Лысенко находятся в коренном противоречии с принципами Ч. Дарвина, К. А. Тимирязева, И. В. Мичурина и представляют собой ревизию основных положений дарвиновского учения²⁰. Ни о каком примиренчестве здесь не было и речи.

На Августовской сессии ВАСХНИЛ 1948 года академик Б. М. Завадовский оказался одним из немногих участников сессии, открыто выступивших против

¹⁵ Гайсинович А. Е. Зарождение и развитие генетики... С. 299–301.

¹⁶ Там же. С. 304–305; Дубинин Н. П. История и трагедия советской генетики. М.: Наука, 1992. С. 33–34.

¹⁷ Фролов И. Т. Философия и история генетики... С. 88.

¹⁸ Из истории борьбы с лысенковщиной / Публ. В. Есакова, С. Ивановой, Е. Левиной // Известия ЦК КПСС. 1991. № 4. С. 125–141; Есаков В. Д. Новое о сессии ВАСХНИЛ 1948 года // Репрессированная наука. Вып. 2. СПб., Наука, 1994. С. 57–75.

¹⁹ Завадовский Б. М. Под флагом «новаторства» // Литературная газета. № 62. 10 декабря 1947 г.

²⁰ Дубинин Н. П. История и трагедия советской генетики... С. 172.

лысенковщины²¹. Он указал на биологическую безграмотность Лысенко и его сторонников, выразил свое несогласие с методами административного зажима всех инакомыслящих в науке и попытался защитить академика И. И. Шмальгаузена и других ученых от огульных нападок и шельмования²². (По свидетельству самого Завадовского, далеко не все из того, что он говорил в своем выступлении, попало в приглашенную и отредактированную для публикации стенограмму. Из нее были убраны наиболее резкие оценки деятельности Лысенко.) Это был поступок, требовавший большого гражданского мужества, поскольку Борис Михайлович хорошо понимал, чем это может обернуться для него. Еще в 1938 г., после проверки очередной комиссией деятельности Биологического музея, его хотели снять с работы и исключить из партии, обвинив в укрывательстве «врагов народа». По счастью, он отделался тогда лишь строгим выговором с занесением в личное дело. Здесь же последствия могли быть намного серьезней. К концу сессии, когда стало известно, что Лысенко пользуется личной поддержкой Сталина, часть выступивших против него ученых публично покалась, опасаясь репрессий, однако Борис Михайлович не сделал этого. Несмотря на довольно резкую оценку со стороны некоторых историков науки занимаемой им ранее «особой позиции»²³, Б. М. Завадовский всегда оставался верен себе и не менял своих убеждений. Он честно стремился разобраться в существе споров и найти рациональное зерно в позициях обеих полемизирующих сторон. Однако по мере ухудшения ситуации в ВАСХНИЛ и навязывания идей Лысенко всему научному сообществу единственно возможным для него решением осталось открытое публичное выступление против невежества и административного диктата в науке.

Последствия его выступления на Августовской сессии не замедлили сказаться. Сразу после нее он был полностью отстранен от научной и преподавательской работы: уволен с должности заведующего кафедрой экспериментальной биологии и дарвинизма в Московском городском педагогическом институте «как не обеспечивший в своей научной и педагогической деятельности проведение мичуринского направления»²⁴ и снят с поста директора Биологического музея имени К. А. Тимирязева «за распространение менделизма-морганизма»²⁵. Издание всех его книг, рукописи которых уже находились в издательствах, было приостановлено, впоследствии они так и не были опубликованы.

Общее переутомление и пережитое нервное напряжение привели к резкому ухудшению здоровья. Сразу после сессии Б. М. Завадовский перенес инсульт, спустя полгода еще один. Несмотря на это, он не мыслил себя без работы и обращался с письмами непосредственно к И. В. Сталину, а также к В. М. Молотову, Г. М. Маленкову и другим членам правительства с просьбами дать ему любую возможность продолжить научные исследования. Деятельная натура Бориса Михайловича не могла смириться с вынужденной бездеятельностью. Кроме того, он тяжело переживал отрешение от своего лю-

²¹ Сойфер В. И. Власть и наука... С. 406.

²² О положении в биологической науке. Стенографический отчет сессии ВАСХНИЛ. 31 июля – 7 августа 1948 г. М.: ОГИЗ-Сельхозгиз, 1948. С. 281–302.

²³ Сойфер В. И. Власть и наука... С. 346.

²⁴ ГБМТ. Архив Б. М. Завадовского. Запись в Трудовой книжке Б. М. Завадовского.

²⁵ Там же.

бимого детища – Биологического музея, которому отдал так много сил. Наконец, после долгих и трудных переговоров его приняли в Институт акушерства и гинекологии Минздрава РСФСР временно исполняющим обязанности заведующего лабораторией эндокринологии. За короткий период он сумел наладить работу, результатом стали восемь написанных им и опубликованных статей по медицинской эндокринологии. Было намечено к публикации еще несколько работ, но осуществить задуманное Борису Михайловичу не удалось. Он так и не смог оправиться от пережитых потрясений. Здоровье его продолжало ухудшаться, и 31 марта 1951 г. он скончался в Боткинской больнице в возрасте 56 лет.

Судьба Бориса Михайловича Завадовского и его научной школы оказалась столь же драматичной, как и судьбы многих других биологов того времени. Созданная им научная школа фактически распалась. Возглавлявшая им эндокринологическая лаборатория ВИЖ в 1937 г. была ликвидирована. Некоторые из его учеников были репрессированы, а перед другими была закрыта реальная возможность заниматься научной деятельностью. После так называемой «Павловской сессии» АМН СССР 1950 г. эндокринология оказались в числе таких же «буржуазных лженаук», как и генетика.

Занимаемая Завадовским в дискуссиях 1930-х гг. особая позиция привела к тому, что его не приняли обе стороны. Лысенковцы рассчитались с ним за критику, и особенно за его выступление на Августовской сессии ВАСХНИЛ 1948 г., увольнением из всех учреждений, где он работал, замалчиванием его имени, отказом публиковать его книги и статьи, а генетики не смогли простить ему поддержку, оказанную Лысенко в конце 1930-х гг. Поэтому многие его работы оказались фактически забытыми, его роль в развитии отечественной науки явно недооценивается, а имя почти неизвестно, либо упоминается с негативным оттенком. В глазах научной общественности он так и остался не реабилитированным. Между тем Борис Михайлович, как истинный ученый, до конца отстаивал свои убеждения и активно боролся против лысенковщины, против невежества и обскурантизма в науке, проявив при этом редкую стойкость и гражданское мужество. Несомненно, что такая яркая, неординарная и многогранная личность, как Борис Михайлович Завадовский, заслуживает значительно более широкой известности и признания.